

ДЕТСКИЕ ЯСЛИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ГОЛОДА В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.¹

Ясли стали распространяться в России с конца XIX в. как средство борьбы с высокой детской смертностью. Поскольку голод увеличивал смертность населения, их попытались приспособить для борьбы с этим бедствием. Прообразы яслей в виде временных приютов для детей появились во время голода 1891–1892 гг. Преодоление последствий голода 1898 г. включало в себя масштабный эксперимент по открытию летом 1899 г. детских яслей в 5 губерниях, в том числе в Уфимской и Вятской. Ясли действовали в 177 населенных пунктах и охватили почти 8 тыс. детей. Наряду с врачами, интерес которых к спасению детских жизней понятен, организацией яслей занималось Попечительство о трудовой помощи. Его сотрудники объясняли свое участие тем, что отдача детей в ясли не отвлекает работоспособных членов семьи на уход за детьми и дает им возможность работать и зарабатывать. Для разоренного крестьянского хозяйства также было важно, что детские учреждения не только оздоравливали и сохраняли жизни будущих работников, но и брали на себя расходы по их воспитанию (присмотр, питание, одежда). В голодные 1907–1908 гг. уездные земства Уфимской губернии старались открывать ясли и увеличивать их финансирование. К этому времени земские деятели хорошо понимали пользу яслей и ставили перед собой новую задачу: с помощью имеющихся в их распоряжении средств привлечь в ясли как можно больше детей.

Ключевые слова: массовый голод, эпидемии, детские ясли

Специалисты по народонаселению относят массовый голод к числу демографических катастроф: он приводит к росту заболеваемости и смертности людей, откладывает рождений и браков, вызывает массовые миграции из зоны бедствия. Вслед за ним там следовало ожидать ухудшения эпидемиологической обстановки. Но в первую очередь голод, конечно, актуализирует пространство смерти. Последствия «Великого голода», нескольких голодных годов кряду, «голодомора» долгим эхом отдаются в половозрастной структуре населения. Нарботки демографов хорошо иллюстрирует «царь-голод» — так образно окрестили бедствие 1891–1892 гг., когда «весь восток Европейской России был объят неурожаем». Если в среднем за 25 лет (1870–1894 гг.) в пострадавшей от недорода Уфимской губернии на 100 жителей рождалось 4,86 младенца, то в 1892 г. родилось всего 4,18. В Оренбургской губернии спад рождаемости был значительнее: если в среднем за те же 25 лет там рождалось 5,9 детей, то в 1892 г. показатель снизился до 4,9 [20, с. 155]. Обычно положительные значения ежегодного прироста населения в 1892 г. сменились на отрицательные, соответственно,

¹ © Голикова С. В. Текст. 2018.

смертность была выше рождаемости. В Уфимской губернии показатель ушел в минус на 0,52 %, по сравнению с ней в Оренбургской снижение было в два раза больше, составив 1,09 % [20, с. 156]. Исследователь продовольственной проблемы дореволюционной России И. К. Сухоплюев указывал, что «во время неурожая легко возникают различные заболевания населения на почве недоедания и отсутствия правильного обмена веществ». К «недостатку пищи вообще» присоединяется «болезнетворное влияние суррогатов пищи», вызывающих расстройство желудка, в результате наблюдается «уменьшение способности истощенного неправильным питанием населения противостоять распространению заразных болезней» [17, с. 42–43]. Некоторые заболевания, будучи постоянными спутниками голода, получили даже приставку «голодные». К таковым относился сыпной тиф — острая инфекция, возбудителем которой являлась риккетсия, переносчиком — платяная (реже головная) вошь. Поскольку бактерии передаются кровососущими насекомыми и паразитируют только на человеке, эту разновидность тифа относят к трансмиссивным антропонозам. Для нее характерно внезапное начало, повышение температуры тела до сорока градусов, пятнистая розовая сыпь, спутанность сознания и поражение сердечно-сосудистой и нервной систем и с весьма неблагоприятным прогнозом. Иначе этот тиф называли военным или тюремным. Это показывает, что вызывающие его микроорганизмы реагировали на голод как на проявление социального неблагополучия. «Голодающее же население отличается особенной восприимчивостью к заразе голодным тифом», — подчеркивал Сухоплюев [17, с. 46] и данные медицинского департамента Министерства внутренних дел подтверждали его слова. «Число зарегистрированных лиц, обращавшихся к врачебной помощи с заразными ... и паразитарными болезнями, — отмечалось в его отчете, — в 1891 г. значительно превысило таковые же числа предыдущих лет ... наисильнее всего выразилось увеличение числа заболеваний ... тифом, дизентерией, холерой» [11, с. 28]. В следующем году положение усугубилось. «Отчетный 1892 г., — сообщал тот же официальный источник, — выдается из числа последних 10 лет по сильному развитию сыпного тифа в первой половине года и азиатской холеры — во второй. Помимо этих болезней, принявших сильное эпидемическое развитие, в 1892 г. наблюдалось ... усиление вообще заразных болезней» [12, с. 28].

Многовековая борьба человечества с этой признанной глобальной проблемой шла не только по линии увеличения урожайности и поставок продовольствия в пострадавшие районы, но и задействовала социальную сферу, превратив ряд ее учреждений в полезных помощников голодающих, одним из таких средств для России рубежа XIX–XX вв. неожиданно стали детские ясли. Еще в 1891–1892 гг. в качестве их прообраза возникали приюты для пострадавших от голода детей. Одним из таких временных благотворительных заведений, появившихся в окрестностях г. Екатеринбурга, по поручению местной земской управы заведовал врач Н. А. Русских.

«Приют этот, — сообщал Николай Александрович, — открыт с той благою целью, чтобы укрыть в нем несколько нуждающихся семей, пришедших сюда из неурожайных местностей» [15, с. 50]. Содержался он на средства предпринимателя М. А. Ошуркова, помещение — двухэтажное здание, где разместились 23 женщины и 62 ребенка, — было предоставлено им же. Вероятно, с этого времени Русских стал размышлять над развитием ясельного дела в России. (Впоследствии он возглавил уральский отдел Общества для борьбы с детской смертностью и завел при нем образцовые ясли.) Опыт заведования приютом Ошуркова этот врач обобщил именно для выдачи рекомендаций по устройству детских учреждений. Он разделил их на три группы, причислив ко второй «так называемые ясли, где дети остаются только в течение дня», и подчеркнул их актуальность: «В настоящее время нас более должна интересовать вторая группа учреждений потому, что благодаря народному бедствию от неурожая во многих губерниях в последнее время начали открываться временные приюты для детей и женщин, то есть той части населения, которая в обыкновенное время не имеет самостоятельного заработка, а теперь совсем нуждается в посторонней помощи. Очень многие лица, движимые чувством гуманности, устраивают такие временные убежища, где могла бы найти себе кров и пищу эта слабая часть населения» [15, с. 46]. Анализ работы в приюте позволил Русских выработать ряд санитарно-гигиенических правил, которые могли бы помочь будущим организаторам яслей. Заведение для детей, инструктировал он, нужно располагать «в здоровой возвышенной местности» (приют Ошуркова был у него на заимке, и удаленность от Екатеринбурга значительно ослабила «опасность занесения туда инфекционных болезней»), помещения не должны быть «безразмерными», а соответствовать норме 0,8 куб. сажени на человека (в приюте Ошуркова показатель составлял 12 куб. аршин). Кроме «общей залы» обязательны сушильня (и склад одновременно), кухня, также «при доме следует иметь теплое отхожее место, которое не должно издавать запахов». (В здании, предоставленном приюту Ошурковым, имелись четыре комнаты, кухня, рядом располагалась баня.) Для маленьких постояльцев нужно сделать отдельные кровати или нары (в приюте Ошуркова последние были в два этажа), приобрести тюфяки, набитые сеном и подушки, набитые соломой. Врач не советовал экономить на питании воспитанников потому, что «скудная пища и неправильная диета может отразиться на детях и вызвать болезни пищеварительного канала, с которыми оставлять их в приюте нельзя». В наличии должны быть манная и просяная крупа, хлеб и мясо. Николай Александрович, как и многие врачи, боролся за грудное вскармливание и только для прикорма младенцев рекомендовал «озаботиться приобретением хорошего коровьего молока в достаточном количестве». К сожалению, в приюте под его заведованием молоко не выдавалось даже детям. При отсутствии или недостатке у питомцев одежды и белья он советовал «завести новое, хотя дешевое, но удобное для мытья», чтобы легче было соблюдать «возможно большую

чистоту». С этими же целями ежедневно требовалось мыть пол зеленым мылом. Для купания малышей необходима была ванна. В приют следует принимать только детей, не достигших школьного возраста. Исключение можно сделать для их матерей, которых записывать в обслуживающий персонал из расчета 1 няня на 6–10 детей, а предпочтение отдавать кормящим матерям. Остальных, особенно взрослых мужчин, стоило, по выражению, Николая Александровича, «третировать» (вероятно, на его позицию повлияло то, что на заимке Ошуркова в отдельном здании призревало еще 19 мужчин). У заведения должна быть начальница, однако заведовать приютом следовало поручить врачу (или фельдшеру под контролем врача), который бы посещал его раз в неделю, а если прием новичков продолжался, то 2 раза. Русских был убежден, что в учреждение должны допускаться только здоровые дети с прививкой от оспы, заболевших, особенно заразными болезнями, нужно немедленно удалять. Таким образом Ошуркову в своем приюте удалось предупредить развитие эпидемии кори. Пришлось лечить также чесотку и экзему [15, с. 47–50]. «Конечно, следует иметь в виду, — подводил итог Русских, — что приюты в большинстве случаев открываются на средства жертвователей, иногда очень скудные, а потому все требования гигиены мы поневоле должны довести до минимума, то есть требовать от приюта только того, чтобы он был сношен по своему устройству и был гарантирован от возможности распространения среди его обитателей какой-либо болезни» [15, с. 46]. Практика показала, что этот минимум в дальнейшем был урезан, хотя учредители яслей придерживались наставлений, выработанных Н. А. Русских в голодные 1891–1892 гг.

Сами же ясли пришли в Россию из-за рубежа и считались полезным средством в борьбе с высокой детской смертностью. С точки зрения российского права эта их функция и должна была стать главной: обнародованный в 1916 г. законопроект «по охране материнства, младенчества и детства», который появился в недрах Высочайше учрежденной междоудомственной комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства (известной как комиссия Г.Е. Рейна), понимал под яслями «учреждения, предназначаемые для кормления, ухода и присмотра в течение дня за грудными и малолетними детьми, оставляемыми занятыми работой матерями» [21, с. 112]. Однако в процессе адаптации яслей к российским реалиям выяснились их дополнительные возможности. Из городской и функционирующей круглый год новинки по уходу за малолетними детьми они превратились в сельские и сезонные, открывающиеся летом в страдную пору и собирающие разновозрастных детей. Земские деятели увидели в них эффективный способ борьбы с детской безнадзорностью в деревне, которая умножала среди малолетних число калек, увеличивалась количество несчастных случаев с ними, а главное, являлась причиной многих опустошительных пожаров. Пожароопасность, а уже затем стремление снизить смертность среди детей толкало губернские, а потом уездные земства на поддержку ясельного дела. Оно перестало быть зоной ответственности

только медицинского и педагогического персонала и все больше перемещалось в сферу экономических интересов местного самоуправления. В результате работы в этом направлении открылось новое применение яслей — они стали одним из путей выхода российской деревни из голода. После голодного года земские, государственные и благотворительные организации открывали в деревне детских учреждений намного больше, чем обычно. Ясли могли помочь многому: «развязать руки» взрослым (особенно матерям), занятым восстановлением семейного хозяйства, подкормить и оздоровить ослабленных голодом детей, обеспечить сохранность их жизни и здоровья, а также порядок и пожарную безопасность в селении.

В последнее десятилетие XIX в. голод в России приобрел новые черты: он наступал чаще и в отличие от предыдущего времени, когда страдали северные и северо-западные губернии, сместился в зону плодородия: черноземный центр, Поволжье. «...многие губернии, — писал И.К. Сухоплюев, — бывшие ранее житницей России, стали все чаще и чаще подвергаться крупным неурожаем. Если ознакомиться с «Трудами местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» по Вятской, Оренбургской, Пермской, Симбирской и др. губерниям, то в них можно найти много данных, доказывающих, что неурожаи значительно участились в указанных губерниях» [19, с. 20]. Эта цитата свидетельствует об изменении не только географии голода — из-за неурожаев впоследствии засух и суховеев она стала смещаться к югу, — но и о том, что голодные годы сделались регулярными. По подсчетам журнала «Русская мысль» 1898 г., в течение восьми лет Россию посетило четыре неурожаа. Печатное издание также заметило, что из-за смены периодичности бедствия увеличилось его негативное влияние на аграрный сектор: «Но тревожно в особенности то, что голодовки у нас часто повторяются, что неурожаи надолго расстраивают крестьянское хозяйство, в котором, в огромном большинстве случаев, нет никаких запасов на черный день» [7, с. 182]. Размеры ущерба в голодный год были столь велики, что жители южных районов не успевали восстановить к следующему такому году свое хозяйство. В 1899 г. журнал «Русское богатство» констатировал: «В корне подорванное благосостояние крестьянства не может быть вновь упрочено одной жатвой. Еще меньшее значение новый хлеб имеет для тех, которые не обсемили своих полей или заложили свои загоны и посеяли. Еще долго народ в восточных губерниях будет жить впроголодь» [22, с. 178]. В сложившихся условиях мероприятий по борьбе с голодом оказывалось недостаточно. Чтобы встретить предстоящий голодный год, требовалось оказывать решительную поддержку разоренным крестьянским хозяйствам.

Именно голод 1898 г., который и освящали толстые российские журналы, впервые на практике показал, как в пострадавших районах можно использовать учреждения для детей. Ситуация напоминала время «царь-голода»: с началом 1899 г., когда неурожаем с его последствиями были признаны официально, а император пожертвовал «Красному кресту»

миллион рублей, «Русская мысль» постоянно напоминала читателям о голодающих. В феврале журнал писал: «Тяжелы были условия существования этого населения осенью и в первую половину зимы, но еще тяжелее они становятся теперь, когда все, что могло остаться от жатвы, съедено и скормлено, а до нового сбора хлебов и появления травы осталось не мало времени». Предполагая обострение «нужды» к весне, издание перечисляло первоочередные задачи: «Миллионам людей нужен хлеб, их нужно спасти от острых мук голода, от всевозможных эпидемий и увеличения смертности» [8, с. 178–179]. В апрельской книжке журнала сообщалось об ухудшении положения: «С наступлением весны известия о голоде, охватившем восточные губернии, становятся все более тревожными. Нужда, по-видимому, достигла в настоящее время сильнейшей степени напряжения. Можно подумать, что, в виду приближения нового сбора хлебов, голод, если можно так выразиться, собирает все свои усилия для того, чтобы нанести последний удар населению, измученному и истрадававшемуся в непосильной борьбе с нуждой. Тиф, цинга и другие спутники голода эпидемически распространяются по целым уездам, дополняя своими ужасами и без того страшную картину голода» [9, с. 195]. Ход заразных заболеваний хорошо показывают факты из Уфимской губернии. Весной 1899 г. появилось сообщение Л.В. Лепешкиной из Кармалинской волости Мензелинского уезда. Женщина писала: «Цинга распространяется не по дням, а по часам. В Кармалах открыт барак для цинготных больных. Вид больных ужасный» [9, с. 196]. «Русская мысль» добавляла: «В особенности плохо приходится от цинги женщинам и грудным ребятам, у которых, выражаясь языком врачей, цинга проявляется в классических формах» [9, с. 197]. Что происходит с организмом человека, долго находившемся в состоянии «относительного» голодания, объяснял врач А.Н. Смородинцев: «Ход жизненных отправлений у него нарушается, нарушается его физическая природа тканей. У него исчезает из тела жир, затем исчезает вещество произвольных мышц, исчезает вещество (уменьшается в объеме) внутренних органов: селезенки, яичек, печени, наконец, изменяется и кровь, она уменьшается в количестве, сгущается, теряет альбумин, число красных шариков в ней абсолютно уменьшается, в результате является нередко цинга». Предлагая называть таких людей «ипсофагами», доктор описывал их внешний вид: «Впалые глаза с легкой синевой век, слегка морщинистое желтовато-землистое лицо с впалыми щеками, дряблость кожи и мускулатуры при вялой, тяжелой походке» [16, с. 30]. От цинготных больных, по отзывам окружающих, «исходил невыносимо-тяжелый, чисто-трупный запах». Инспектирующий деятельность «Красного креста» лейб-хирург Е.В. Павлов официально признал, что заболевания цингой развились на почве голода [17, с. 44]. Посетив район Иры-Бугульчан Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, Павлов заявил, что сыпной тиф развился здесь также «на почве недостаточного и плохого питания». Тифозная эпидемия наряду со Стерлитамакским затронула и Мензелинский уезд. Первые

больные появились здесь в конце января. Пика заболеваемости достигла в апреле-мае, только в июне пошла на спад [17, с. 45–46].

Летом 1899 г. впервые и был поставлен масштабный эксперимент по открытию в районах, охваченных бедствием, детских яслей. По данным П.Г. Ганзена, одновременно он развернулся в пяти губерниях: Воронежской, Симбирской, Самарской и еще в двух уральских: Уфимской и Вятской. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах выделило на эту статью расходов треть имеющихся в его распоряжении средств. Действуя в уездах Вятской губернии, оно открыло в Сарапульском 15, в Малмыжском 15 и в Елабужском — 21 детские ясли [10, с. 3]. Появились они и в Мензелинском уезде Уфимской губернии, и также в селах Верхне-Троицком, Шаран, Нагайбак, Бакалы и деревне Ишманкульской Белебеевского уезда этой губернии. В Бирском уезде той же губернии барон Буксгевен с тремя сотрудниками: А. П. Поповской, докторами Гинцбургом и Каменским организовали 10 яслей. Созванное бирским предводителем дворянства особое совещание из представителей местной власти наметило следующие пункты для их открытия: деревню Софьевка в имении землевладельца И.Г. Жуковского (иначе поселок Софьинский вблизи Тюинского завода), села Аскино, Байки, Новотроицкое, Ангасяк («Анастасьино тож»), Касево, Калегино, Дюргюли, деревни Коянову, Старо-Балтачеву [5, с. 232]. Всего же, по данным А.М. Горовцева, детские ясли действовали в 177 населенных пунктах, пострадавших от неурожая и голода [6, с. 290]. Ганзен полагал, что «благое значение этого дела трудно пока определить» [4, с. 18]. Однако обобщения опыта ясельного сезона 1899 г. не заставили себя ждать. Общественность понимала, насколько важны учреждения, предотвращающие гибель людей в голодное время. В частности, Сухоплюев о демографических потерях замечал: «В неурожайные годы вымирает преимущественно та часть населения, которая менее всего способна противиться жизненным невзгодам, то есть дети». Обозначил он и группу риска: «Усиленная смертность детей до одного года во время неурожая легко объясняется слабостью организма младенцев и истощением матерей» [20, с. 154–155]. Для решения проблем с этой категорией населения как раз и предназначались ясли, и их вклад следовало оценить. Появилась написанная доктором Н.И. Тезяковым книга «Деревенские ясли-приюты в Воронежской губернии летом 1899 года», где автор анализировал работу 13 яслей, открытых земством, и 11 таких же учреждений, существовавших на частные средства. Труд земского санитарного врача П.Ф. Кудрявцева «Деревенские ясли-приюты в Симбирской губернии периода 1899 г.» был написан на гораздо более широкой основе, поскольку в данной губернии ясли действовали в 60 селениях и охватили две с половиной тысячи детей. Медиков прежде всего интересовало, насколько ясли могут повлиять на такое неблагоприятное явление как высокая смертность. На это указывает подзаголовок сочинения Кудрявцева — «Опыт санитарно-статистического исследования о влиянии яслей-приютов на здоровье и благосостояние

деревенских детей вообще и в смысле понижения детской (и общей для всех возрастов) смертности населения в частности».

Однако некоторые авторы, как правило, чисто практические деятели в сфере так называемой трудовой помощи, также тщательно анализировали первые шаги яслей на поприще борьбы с голодом. В основном они были сотрудниками Попечительства о домах трудолюбия и работных домах и занимались постановкой так называемых «общественных работ», важное место среди которых парадоксальным образом заняли детские ясли. А. М. Горовцев, анализируя результаты деятельности Попечительства, посчитал нужным объяснить по этому поводу: «Совершенно особою и довольно крупною отраслью деятельностью отряда по оказанию трудовой помощи явилась организация учреждений, устройство которых, как это может показаться на первый взгляд, не должно было совсем входить в программу деятельности отряда, имевшего своей целью оказание специально трудовой помощи. И действительно нельзя не сознаться, что устройство яслей для малолетних детей не есть собственно мера трудовой помощи в тесном смысле этого слова» [6, с. 287]. Однако у него не было сомнений, относительно возможности детского учреждения способствовать ходу сельскохозяйственных работ: «Трудно все-таки отрицать, что устройство яслей оказывает самое непосредственное влияние на весь склад трудовой жизни крестьянской семьи в страдную пору, когда брать детей с собой в поле нельзя, оставаться вместе с ними дома для надзора за ними никто из взрослых также не может, и поневоле приходится оставлять их на руках какого-нибудь “старшего” семи-восьмилетнего ребенка, который и сам то еще нуждается в надзоре» [6, с. 288]. Следует принять утверждение Горовцева: «Основанием яслей отряд значительно увеличил трудовую силу крестьянской семьи, давши возможность женщинам матерям спокойно уходить на работу, оставляя детей в яслях, где за ними всегда был правильный и бдительный надзор» [3, с. 287]. С ним был согласен Сухоплюев, отмечавший, что «косвенным путем» задача «непосредственно доставить нуждающимся (пострадавшим от неурожая) временный заработок на самом месте их жительства» достигалась также «попечением о нерабочем населении, требующем за собой ухода и отрывающим от работы трудоспособных», которое и выразилось в устройстве яслей для малолетних детей [18, с. 59]. Однако для подъема крестьянских хозяйств в неурожайный год родителям была важна дополнительная возможность сэкономить на ребенке, которую предоставляло им детское учреждение, и практически полностью снять его с довольствия семьи. Там его кормили и, как правило, переодевали в сельскую одежду. Необходимы были ясли в тех деревнях Мензелинском уезде Уфимской губернии, где еще в июне и июле ребятшек «выгоняли ... на поле питаться травой и собирать коренья» [20, с. 153]. Как в яслях восстанавливали ослабленные голодом детские организмы, показывают, например, сведения по Малмыжскому уезду Вятской губернии: «Вначале дети ели очень много ... и чаще просили есть не вовремя, потом

стали насыщаться скорее и привыкли к правильной своевременной еде» [1, с. 143]. В детских учреждениях этого уезда было четырехразовое питание, в промежутках между приемами пищи воспитанникам, если они просили, давалось по куску черного хлеба с солью. Любимым блюдом деревенской детворы с этого времени стала манная каша, которую большинство из них впервые попробовали именно в яслях. Помощь яслей нужна была в Сарапульском уезде Вятской губернии. Бедность в голодный год приняла здесь такие размеры, что, по словам очевидцев, появились «семьи, дети которых не имеют ни платья, ни белья или же только всего одну рубашку и, когда моют последние, то дети остаются буквально голыми и сидят на печке все время, пока рубашки не высохнут» [9, с. 196]. Как бы им пригодилось переодевание в яслях в «казенное» белье и одежду. В ряде случаев после закрытия яслей детская одежда даже раздавалась самым неимущим воспитанникам. Вот почему именно в пострадавших от голода губерниях работа яслей не просто «не прошла даром, а принесла всю ту пользу, какую только можно было ожидать от нее». Из Бирского уезда главе Уфимской губернии по этому поводу писали: «По сообщению заведывавших яслями — не смотря на новизну дела, — ясли в д. Кояновской и Софьевке были приняты населением с восторгом, при чем, по удостоверению заведывавших, цель учреждения таких яслей, заключающаяся в том, чтобы ребенок не оставлялся на произвол судьбы в то время, когда родители его заняты полевыми работами, оберегался от разных вредных ему и окружающих его несчастных случайностей, лучше питался и тем предотвращался от разных болезней, вполне достигается подобной организацией дела...»¹.

Во многом общесоциологические суждения Горовцева покоились на анализе трудов его коллеги по Попечительству П. Г. Ганзена, который отвечал за трудовую помощь (в том числе за ясли) в Малмыжском уезде Вятской губернии и в 1900–1901 гг. опубликовал об этом 4 пространных статьи в журнале «Русская мысль». Он был знаком с организацией трудовой и общественной помощью в скандинавских странах, в частности с такими образцово-поставленными учреждениями как «детские трудовые убежища». С яслями же столкнулся впервые, и ему пришлось, в буквальном смысле слова, на ходу прояснять для себя смысл этого заведения. «Проездом через город Пермь, — писал Ганзен, — отряд наш и не преминул познакомиться с одним из таких учреждений, устроенным для детей недостаточного городского населения. Впечатление мы вынесли самое благоприятное...» [1, с. 111]. Петр Готфридович понимал, насколько важно оценить потенциал новинки, и решился на беспрецедентный шаг: предложил надзирателям этих учреждений в Малмыжском уезде при их чрезвычайной занятости еще вести ежедневные записи о происходящем в яслях. Интересовало его следующее: подготовительные хлопоты, помещение яслей, продовольствие, топливо, кухарки, уход за детьми, няньки,

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 132, Оп. 1. Д. 219, Л. 17–17 об.

болезни детей и смертные случаи, занятия и игры детей, отношение к яслям взрослых крестьян и детей, местных властей и интеллигенции. Как ни странно, его авантюра удалась, и он получил массу ценных наблюдений о ясельном сезоне в деревне, преодолевающей последствия голода. На основании записок надзирательниц Ганзен детально смог осветить, сформулированную им проблему: «В виду того, что введение в Вятской губернии деревенских яслей-приютов, помимо того огромного значения, которое учреждение это вообще представляет для населения, могло иметь особое значение, как примерный опыт для дальнейшего развития в России этого благого дела, крайне желательно было возможно подробно проследить весь ход его, включая сюда неудачи и промахи» [1, с. 117–118].

По мнению Горовцева, «число 7.865 детей, пользовавшихся в 1899 году яслями», говорило об их перспективах на будущее «достаточно наглядно и убедительно» [6, с. 290], в том числе об обретении ими права гражданства среди мер, направленных на преодоление последствий неурожая и эпидемий. Кампания 1899 г. стала для яслей «генеральной репетицией», после которой врачи и лица, занимающиеся трудовой помощью, а также все, активно работавшие «на голоде», смело могли включать их в планы помощи голодающей деревни и презентовать их общественному сознанию как достижение цивилизации, эффективно работающее на благополучие сельского населения. «Превентивной мерою во время неурожая служит достаточная и своевременная продовольственная помощь, в виде выдачи продовольственных ссуд или в виде устройства детских столовых, яслей, столовых для взрослых и проч.», — заявило в 1901 г. на XIII съезде самарских врачей санитарное бюро местного земства [17, с. 52]. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах в начале XX в. организовывало при неурожаях трудовую помощь на принципах, выработанных практикой в 1899 г. Отдельной строкой они, наряду с общественными работами, задачей работ на дом, включали в себя и открытие яслей. По линии детских учреждений Попечительство продолжало сотрудничать с земством Уфимской губернии, особенно в неурожайные годы, последовавшим за началом первой русской революции. Сводки по Уралу уже за 1906 г. стали тревожными и не предвещали улучшения ситуации, напротив, вслед за дороговизной и недостатком продуктов питания пришли болезни. «По заболеваемости тифом в отчетном году особенно выдавалась губерния Пермская», «Второе место по развитию сыпного тифа в отчетном году занимает губерния Вятская», — рапортовал медицинский департамент [13, с. 43, 46]. Череда неурожайных лет привела к тому, что заболеваемость сыпным тифом в 1908 г. оказалась наивысшей за последние 14 лет уже по всей России [14, с. 39].

Неблагополучное положение сложилось и в Уфимской губернии. В условиях постоянного недорода и голода ее земство в широких размерах практиковало открытие летом детских яслей, причем готовиться к очередному сезону начинало заблаговременно. Уже 32-е очередное губернское земское

собрание 11 декабря 1906 г. заслушало доклад «О разрешении кредита на устройство детских приютов-яслей в деревнях во время полевых работ в 1907 году». Гласный Российский предложил увеличить это финансирование в два раза. Земцы с ним согласились и постановили: «Вместо 3000 рублей разрешить Управе израсходовать в 1907 году на устройство яслей 6000 рублей, т. е. по 1000 рублей на уезд». Затем запрос — в каких селениях предполагалось это сделать — был послан в уездные инстанции. Выяснилось, что в 1907 г. они собирались открыть 11 детских учреждений в Бирском уезде, 6 — в Белебеевском, 5 — в Уфимском и одно — в Златоустовском¹. По Уфимскому уезду планы, действительно, были выполнены. В Бирском вместо одиннадцати открыли десять приютов, в Белебеевском — вместо пяти шесть, в Мензелинском уезде имелись ясли в селе Афонасово, деревнях Зиашевой и Поисеевой, а в Стерлитамакском — в селах Табынском и Петровском. К 1 ноября 1907 г. в губернскую управу доставили сведения о функционировании 26 детских учреждений в пяти уездах. Докладывая о них очередному губернскому земскому собранию, управа «считала своим долгом просить ... разрешить ей израсходовать на этот предмет по размеру текущего года до 6000 руб.»². Вклад Попечительства о трудовой помощи в ясельное дело хорошо виден на примере Бирского уезда. К тысяче рублей, полученных местным земством от губернского, оно добавило еще 100 руб. 128 руб. 70 коп. осталось в уезде от субсидии этой организации за прошлый год. На 1228 руб. 80 коп. планировалось создать приюты в следующих населенных пунктах: Емашь, Большой Есаул, Дюргюли, Тартышево, Чураево, Калегино, Репьевка (не был открыт), Кырпах, Касево, Андреевка, Надеждино. 33-е очередное бирское уездное собрание признало «желательным продолжение деятельности яслей в 1908 году и постановило ходатайствовать перед ... губернским земским собранием об отпуске» тысячи рублей³. Однако возможности последнего оказались ограничены, и ему пришлось предоставить в распоряжение уездов деньги благотворителей: «В виду полного отсутствия средств у губернского земства на приют-ясли расходовались суммы, присланные губернской Управе Центральным Комитетом по оказанию помощи голодающим». Из пожертвований частных лиц 4000 руб. были отданы именно детским учреждениям. Изменения в источниках их финансирования наглядно демонстрируют возрастание роли яслей как учреждения, противостоящего голоду, болезням и разорению. Запрашивая деньги на следующий год, губернская Управа стремилась распределять их «смотря по действительной надобности» голодающих. Дотацию не собирались делить поровну между уездами (так Бирскому дали меньше), поскольку «в некоторых уездах, например, Белебеевском нужда в яслях может оказаться больше, чем в других более благополучных

¹ НА РБ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 228. Л. 3.

² Там же. Л. 3–10 об.

³ Там же. Л. 5, 10 об.

в смысле урожая в нынешнем году»¹. В «Докладе о детских яслях-приютах в селениях Бирского уезда» за 1908 г. говорилось: «В текущем году на содержание яслей-приютов в распоряжение уездной Управы были следующие средства: 650 руб., переведенные земской губернской Управой из кредита, ассигнованного на этот предмет губернским земским Собранием; 80 руб., переведенных Комитетом Попечительства о трудовой помощи и сверх того 109 рублей 24 коп., оставшихся в распоряжении земской Управы от сумм, отпущенных ранее названным Комитетом на содержание яслей-приютов в Бирском уезде, а всего 839 руб. 24 коп.». Располагая значительно меньшей суммой, удалось открыть приюты в 9 населенных пунктах, в том числе снова в селах Емашь, Большой Есаул, Касево, Калегино, Дюртюли, Андреевке. К ним добавилась деревня Армяниново, Кереметева и Байкибаш. Семь яслей финансировало земство, два — содержал столичный Комитет. 34-е бирское земское собрание 30 сентября 1908 г. организовало широкое обсуждение ясельного вопроса: кроме процитированного доклада были заслушаны «дополнительные сведения о деятельности яслей-приютов в дд. Кереметевой и Байкибаше, сообщенные наблюдавшими за этими яслями-приютами земским начальником 12 участка ... и земским врачом 6 участка». После обсуждения решено было поддерживать доказавшей свою продуктивность схемы: «ходатайствовать перед губернским земским Собранием и Комитетом Попечительства о трудовой помощи об отпуске средств на устройство яслей-приютов в 1909 году». У губернских инстанций вновь решили просить тысячу рублей². В отличие от Бирского уезда Стерлитамакскому обещанная сумма была предоставлена полностью. В докладе его земства сказано: «По примеру прежних лет Уфимским губернским земством на открытие яслей-приютов было отпущено в текущем году 6000 руб., в том числе на Стерлитамакский уезд 1000 руб. Согласно постановлению врачебного совета, за счет отпущенной ассигновки ясли были открыты в селе Архангельском, деревне Ахметкиной и селе Петровском и, как видно из приложенных отчетов, ясли действовали довольно успешно». На содержание яслей-приютов в 1909 г. земцы Стерлитамакского уезда вновь попросили тысячу рублей³. Сопоставление ясельных отчетов за 1899 г. и за 1907–1908 гг. выявляет важное различие между ними: ранние в обязательном порядке содержат весьма пространные отзывы о том, зачем нужны ясли голодающей деревне, в поздних — этот вопрос с повестки дня уже снят. Для местных деятелей стало важно другое: за имеющиеся денежные средства охватить яслями как можно большее количество крестьянских детей. При массовом устройстве яслей формировался, по выражению санитарного врача Уфимской губернии Б.М. Эльцина, «земский способ оборудования» этих учреждений. Вырабатывать его помогал сбор информации, проводившийся, например,

¹ Там же. Л. 10–10 об.

² Там же. Л. 289–292.

³ Там же. Л. 130–130 об.

по «Программе отчета о деятельности яслей-приютов в Стерлитамакском уезде». Она насчитывала 17 позиций и детально выясняла организационные нюансы ясельной жизни¹.

История распространения детских яслей в России показывает, каким образом ряд негативных явлений: неурожай, голод, эпидемии, разорение, — развивал социальную сферу, по крайней мере, выявлял скрытые резервы ее институциональных структур. Детское учреждение стало средством смягчения перечисленных проблем и выходом из них. Следует согласиться с выводом Горовцева о том, что для голодающей и нищей деревни «устройство яслей явилось ... истинным благодеянием, и крестьяне, конечно, первые поняли и почувствовали это лишь только уже первые шаги деятельности яслей дали им самое настоятельное доказательство действительного ее характера и назначения» [6, с.290]. Аналогичная трансформация произошла в России с «Красным крестом». Сначала члены этой организации выезжали «на эпидемию», связанную с голодом, затем стали выезжать «на голод» и в дополнении к больничкам открывать столовые, в конце концов, эта организация стала чуть ли не координатором помощи голодающим, и государство возложило на нее основную нагрузку в ее предоставлении. Подобные метаморфозы свидетельствовали об остроте проблемы борьбы с голодом.

Список источников

1. Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1900. — № 3. — Отд. 2. — С. 111–153.
2. Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1900. — № 4. — Отд. 2. — С. 57–90.
3. Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1900. — № 5. — Отд. 2. — С. 29–48.
4. Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. — 1901. — № 10. — Отд. 2. — С. 1–18.
5. Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX в. Институциональный и социокультурные аспекты. — Екатеринбург: УрО РАН, 2013. — 436 с.
6. Горовцев А. М. Трудовая помощь голодающим в 1899 году // Исторический вестник. — 1902. — № 1. — С. 261–293.
7. Внутреннее обозрение // Русская мысль. — 1898. — № 11. — Отд. 2. — С. 182–191.
8. Внутреннее обозрение // Русская мысль. — 1899. — № 2. — Отд. 2. — С. 178–189.
9. Внутреннее обозрение // Русская мысль. — 1899. — № 4. — Отд. 2. — С. 192–205
10. Овчинников Н. Трудовая помощь в Вятской губернии, оказанная в 1899 году попечительством о домах трудолюбия и работных домах // Вятские губернские ведомости. — 1901. — № 28. — С. 3.
11. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1891 г. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. — 305 с.
12. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 г. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1896. — 303 с.
13. Отчет о состоянии народного здоровья и организации состояния врачебной помощи в России за 1906. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1908. — VII, 100, 257 с.

¹ Там же. Л. 29–29 об.

14. Отчет о состоянии народного здоровья и организации состояния врачебной помощи в России за 1908. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1910. — 281 с.

15. Русских Н. А. Санитарные требования в деле призрения детей // Записки Уральского медицинского общества. — Вып. 2. — Екатеринбург, 1893. — С. 45–50.

16. Смородиццев А. П. К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда в 1889–1891 году // Записки Уральского медицинского общества. — Вып. 2. — Екатеринбург, 1893. — С. 24–35.

17. Сухоплюев И. К. Неурожаи и массовые заболевания голодающего населения // Русская мысль. — 1906. — № 3. — Отд. 2. — С. 42–54.

18. Сухоплюев И. К. Неурожаи и общественные работы // Русская мысль. — 1906. — № 10. — Отд. 2. — С. 52–70.

19. Сухоплюев И. К. Политические причины голодовок // Русская мысль. — 1906. — № 12. — Отд. 2. — С. 1–22.

20. Сухоплюев И. К. Последствия неурожаев в России // Русская мысль. — 1906. — № 6. — Отд. 2. — С. 147–183.

21. Устав здравоохранения и учреждения, ведающие врачебно-санитарным делом. Проект. — Петроград: Государственная типография, 1916. — VIII. — 510 с.

22. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. — 1899. — № 8. — Отд. 2. — С. 178–199.

Информация об авторе

Голикова Светлана Викторовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, e-mail: avokilog@mail.ru).

Golikova S. V.

Nurseries as a Tool for Fighting with the Consequences of Hunger in the Ural Village in the End of the XIX — the Beginning of the XX Centuries

Nurseries began to spread in Russia as a tool for fighting with high infant mortality in the late nineteenth century. Since the famine increased the death rate of the population, Russians tried to use nurseries for fighting with this disaster. The prototypes of nurseries in the form of temporary shelters for children appeared during the famine of 1891–1892. Fighting with the consequences of the famine of 1898 included a large-scale experiment — opening of nurseries in five provinces, including Ufa and Vyatka, in the summer of 1899. Nurseries operated in 177 settlements and covered almost 8000 children. Along with the doctors, whose interest in saving children's lives is understandable, the Committee for labor assistance was involved in the organization of nurseries. The employees of this Committee explained their participation by the fact: sending children to a day nursery, employable family members do not need to spend time caring for children and they have the opportunity to work and earn. It was also important for the ruined peasant economy that these institutions not only healed and saved the lives of future workers, but also incurred the costs of their upbringing (supervision, food, clothing and so on). The local zemstvos of Ufa province tried to organize new nurseries and increase their financing in the hungry years of 1907–1908. By this time, workers in zemstvos were well aware of the use of nurseries and set themselves a new task: to send in the nurseries as many children as possible.

Keywords: mass hunger, epidemics, children's day nursery.

References

1. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // Russkaya mys' [Russian thought]. — 1900. — no 3. — Division 2. — pp. 111–153.

2. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // Russkaya mys' [Russian thought]. — 1900. — no 4. — Division 2. — pp. 57–90.

3. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // *Russkaya mysl'* [Russian thought]. — 1900. — no 5. — Division 2. — pp. 29–48.
4. Ganzen P. G. Experience of health improvement of the village // *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1901. no 10. Division 2. pp. 1–18.
5. Golikova S. V., Dashkevich L. A. Charity of children in the Urals in the XVIII — early XX century: institutional and socio-cultural aspects. — Ekaterinburg: Uro RAN, 2013. — 436 p.
6. Gorovcev A. M. Labor aid to the starving people in 1899 // *Istorichesky vestnik* [Historical Herald]. — 1902. — no 1. — pp. 261–293.
7. Internal review. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. — 1898. — no 11. — Division 2. — pp. 182–191.
8. Internal review. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. — 1899. — no 2. — Division 2. — pp. 178–189.
9. Internal review. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. — 1899. — no 4. — Division 2. — pp. 192–205.
10. Ovchinnikov N. Labor assistance in Vyatka province, organized by Committee on houses of diligence and workhouses in 1899 // *Vyatskie gubernskie vtdomosti* [Vyatka provincial Sheets]. — 1901. — no 28. — p. 3.
11. Report of Medical Department of Ministry of Internal Affairs for 1891. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs, 1894. — 305 p.
12. Report of Medical Department of Ministry of Internal Affairs for 1892. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs, 1896. — 303 p.
13. Report on the state of public health and organization of medical care in Russia for 1906. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs, 1908. — VII, 100. — 257 p.
14. Report on the state of public health and organization of medical care in Russia for 1908. — St Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs, — 1910. — 281p.
15. Russkih N. A. Sanitary requirements for the charity of children // *Zapiski Ural'skogo medicinskogo obshchestva* [Notes of the Ural Medical Society]. — 1893. — Vol. 2. Ekaterinburg, 1893. — pp. 45–50.
16. Smorodincev A. P. Food ration of the peasants of Yekaterinburg uезд in 1889–1891 // *Zapiski Ural'skogo medicinskogo obshchestva* [Notes of the Ural Medical Society]. — Vol. 2. Ekaterinburg, 1893. — pp. 24–35.
17. Suhoplyuev I. K. Crop failures and mass diseases of the starving population. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1906. no 3. Division 2. pp. 42–54.
18. Suhoplyuev I. K. Crop failure and public works // *Russkaya mysl'* [Russian thought]. — 1906. — no 10. — Division 2. — pp. 52–70.
19. Suhoplyuev I. K. Political causes of hunger // *Russkaya mysl'* [Russian thought]. — 1906. — no 12. — Division 2. — pp. 1–22.
20. Suhoplyuev I. K. Consequences of crop failures in Russia // *Russkaya mysl'* [Russian thought]. — 1906. — no 6. — Division 2. — pp. 147–183.
21. Health charter and institutions responsible for medical and sanitary work: The project. Petrograd : State printing house, 1916. — VIII, — 510 p.
22. Chronicle of domestic life // *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. — 1899. — no 8. — Division 2. — pp. 178–199.

Author

Golikova Svetlana Viktorovna — Russia, Ekaterinburg, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620990, Ekaterinburg, Sofji Kovalevskoy Str., 16, e-mail: avokilog@mail.ru).